

Д. Б. ТЕРЕШКИНА

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Великий Новгород, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-2079-1116

УДК 821.161.1-1(Бродский И.)

DOI 10.26170/2306-7462_2021_04_08

ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,445

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР «БОЛЬШОЙ ЭЛЕГИИ ДЖОНУ ДОННУ» ИОСИФА БРОДСКОГО

Аннотация. В статье предлагается формально-содержательный анализ стихотворения Иосифа Бродского «Большая элегия Джону Донну». Рассматривается композиция произведения, делается вывод о самостоятельном значении первой, формально «номинативно-констатирующей» части «Элегии». Предлагается корректировка жанрового определения текста, совмещающего, кроме элегии, традиции баллады и проповеди. Утверждается особая роль поэта: в его образе совмещены автор и герой «Большой элегии» – поэт-проповедник, являющийся единственным (помимо Божественного мира) звеном, связующим горний и земной миры. Предлагается трактовка «Большой элегии» как ткани (всем художественным миром текста и буквальным пониманием этимологии слова «текст»), каждая составляющая которой неотделима от целого, являющегося метафорой неразрывности материи и духа, формального и содержательного.

Ключевые слова: элегии; проповеди; поэтические тексты; стихотворения; онтологичность слов; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры.

«Большая элегия Джону Донну» [Бродский] написана в 1963 году, когда творчество великого английского поэта и проповедника Джона Донна (1572–1631) ещё не было хорошо известно Иосифу Бродскому. Однако в своей элегии он сумел не только прочувствовать поэтику одного из ярчайших представителей метафизической школы английского барокко, но и в русском стихе передать внациональное ощущение пограничного состояния человека между жизнью и смертью, сном и явью. О связи И. Бродского с поэтами-метафизиками как биографически (с И. Бродским был заключён договор на перевод поэтов английского барокко для серии «Литературные памятники»), так и поэтически (системой приёмов и особенностью мировоззрения) уже подробно писал И. Шайтанов [Шайтанов]. Много сказано

об образной символике, композиции, ритме и метрике стихотворения, его истоках и аллюзиях к другим текстам и творчеству других поэтов, как русских, так и англоязычных [Нестеров, Снегирёв, Первушина, Иванова (Федорчук)]. В нашу задачу входит по возможности подробный анализ семантики «Элегии» И. Бродского, отражённой в её художественном мире.

Следует вначале сказать о жанре стихотворения. Казалось бы, всё понятно из авторского определения, данного в названии. Очевидно, однако, что текст И. Бродского не укладывается ни в одну из известных разновидностей элегии, в том числе ту, что явилась на сломе романтических традиций (в частности, у Е. А. Боратынского, близость в поэтике к которому И. Бродский не раз признавал). Общее печально-меланхолическое настроение, размышления о бренности сущего, предопределённости человеческого пути, обречённости всего мира – элегические константы присущи всему стихотворению в целом, обрамляют и пронизывают лиро-эпическое содержание. Слом поэтического голоса происходит ближе к той части текста, где балладной струёй врывается сюжет о диалоге Джона Донна с собственной душой, ретардационно усиленный целым периодом риторических обращений к возможным (и безмолвным) источникам высокого плачущего голоса, встревожившего погружённый в сон изображаемый мир. Кроме баллады, в «Большой элегии» сильна проповедническая традиция – слишком определённо выражены в ней назидательные мотивы, даны прямые ответы на вопрошания созерцателя. «Связь стихотворения с проповедью Донна проявляется не столько в реминисценциях, сколько на глубинном философском уровне. Основная мысль, которая тревожит поэта, созвучна исканиям Донна. Это вопрос о смерти и бессмертии, о связи всего человечества и трагическом разладе человека с самим собой. Бродский не вторит Донну, но вступает с ним в спор. Донн утверждает единение всего человечества в смерти, так как это судьба каждого смертного. Бродский утверждает одиночество личности и в жизни, и в смерти» [Иванова (Федорчук)]. Наличие же «визионера» – лирического субъекта, повествующего о виденном, – а также таинственная ночная атмосфера, способствующая прямо-

му общению с небесными силами, отсылают к жанру видений – жанру отнюдь не только средневековому, хотя в случае с Джонном Донном особенно оправданному.

Сразу отметим важное обстоятельство: лирическим субъектом текста, в том числе в части диалога с душой, становится именно визионер, человек, которому явилось чудо откровения в общении с внеземными силами и душами умерших. Вначале он близок к роли «оператора», художественным глазом через объектив показывающего мир в его отдельных предметах, деталях, еле уловимых движениях. Это прямо согласуется с признанием И. Бродского, много раз цитировавшимся: «Главным обстоятельством, подвигшим меня приняться за это стихотворение, была возможность, как мне казалось об эту пору, возможность центробежного движения стихотворения... ну, не столько центробежного... как камень падает в пруд, и постепенное расширение... прием скорее кинематографический – да, когда камера отдалается от центра» [Померанцев, Бродский 1995:16]. Затем визионер становится повествователем о встрече Д. Донна со своей душой, совершенно незаметно сливается с вопрошающим Д. Донном, словно озвучивая то, что Д. Донн видит во сне, и постепенно, словно переняв на себя роль своего героя, обращается в проповедника, прямым призывом и невольным пророчеством завершая стихотворение.

Говоря о композиции «Большой элегии», все исследователи отмечают резкий контраст между первой и второй частями текста. На самом деле, вторая часть, начинающаяся с внезапного и в высшей мере экспрессивного «Но чу! Ты слышишь – там, в холодной тьме, / там кто-то плачет, кто-то шепчет в страхе», – смысловой центр стихотворения. Однако первая часть, являющаяся беспрецедентным примером объемной фигуры перечисления в поэтическом тексте, зачастую воспринимается как «служебная» («У Бродского, в отличие от классицистов, прием перечисления настолько гиперболизирован, что воспринимается на грани пародии, пародией не становясь. Непомеренные длины “Элегии”, замеченные еще первыми читателями стихотворения, на наш взгляд, выполняют как минимум две функции: продлевают паузу, становясь своеобразным “тоннелем во времени”,

и создают впечатление вещной истинности всего текста» [Иванова (Федорчук)]. Высказывается мнение, согласно которому перечень первой части играет роль экспозиции стихотворения [Нестеров 2000: 155], что не представляется верным. Некоторая «нарочитость» перечня реалий спящего Лондона воспринимается исследователями как пародийный или, по крайней мере, искусственный приём депозитизации сущего путём смешения высоких и «низких» реалий. «Большая часть стихотворения строится как простой и бесстрастный перечень. Он растягивается на несколько страниц, он утомляет читателя, убаюкивает его своей бесконечностью. Монотонность стиха усугубляется еще и повторяющимися словами ... Какой уж тут пафос – как будто нет никаких намеков на характерную элегическую печаль. <...> У Бродского в одном ряду перечисления оказываются не противоположное, а именно несопоставимое. <...> В этом мире нет логических и рациональных связей, он кажется рассыпающимся; и, тем не менее, в нем есть своеобразное образное единство: все это – мир, погруженный в сон» [Первушина]. Как бы «оправдывающая» длинноты «перечня» первой части «Большой элегии», А. Нестеров пишет: «При этом драматизм столь длинной и, казалось бы, совершенно статичной экспозиции создается за счет внутреннего напряжения, возникающего из столкновения ассоциативных рядов, стоящих за тем или иным существительным и отстраиваемым вокруг него образом» [Нестеров 2000: 155].

В связи с этим хочется привести доводы в пользу того, что первая – условно говоря, номинативная – часть стихотворения имеет самостоятельную ценность. Несмотря на то, что перечисление как фигура речи лишь в последние десятилетия начинает рассматриваться в качестве отдельного явления, ещё не получившего должной оценки [Савченко], в литературе перечисление всегда играло особую роль в художественном мире произведения. Перечисление в «Большой элегии» не является экспозицией произведения, иначе бы И. Бродский не отвёл ему так много значимого места и не возвращался бы к «вещной» стороне изображения ещё не раз на протяжении всего текста. Система повторов, которыми (на разных уровнях, в том числе в виде полных, буквальных повторов) изобилует первая часть

«Элегии», свойственна ранней поэзии И. Бродского. Повторы в ней чаще всего «имеют отношение к образу лирического героя и к темам страдания, болезни, смерти, положения в физическом и духовном пространстве. Такие повторы выполняют в первую очередь суггестивную функцию, внушая читателю ощущение постоянного присутствия лирического героя и его тревожное внутреннее состояние – там, где Бродский стремится формально уйти от прямого высказывания и от форм первого лица в пользу обобщения и экзистенциальных тем» [Романова 2020: 114].

Мир вещей – обычных, мирских, домашних – для Бродского имеет огромное значение. Это становится понятным из описания быта поэта в пору его проживания в родительском доме в Ленинграде («...его (Бродского – Д. Т.) комната выглядела очень поэтично. Она была уютна – этакое гнездышко, насквозь пропитанное духом Иосифа ... В течение нескольких следующих лет какие-то мелочи менялись, но в целом обстановка оставалась прежней» [Проффер 2017: 199]. Это следует из всей поэтики И. Бродского, полной ощущения вещи как отрицания «ничто» («Пространство же без вещи – пустота» [Баткин 1997: 29], «мир вещей превращается в мир речей», а существование вещей «подтверждается в словах о них» [Там же: 80-81]). В круг «обычных» вещей на равных вписано то, что вещью как бы не является: человек, умершие люди, душа человека. «Человек – особая вещь. И “душа” – это часть речи. Часть культуры» [Там же: 81]. В поэтике И. Бродского всё в этом мире имеет самостоятельное значение, и «свинные туши» так же значимы, как и стены, скатерти и ковры. В этом смысле нет стилистического смешения как фигуры – есть созерцание мира «без купюр», непредвзятым «операторским» глазом, не пренебрегающим «непоэтизмами». «Поэтическая речь не может не быть возвышенной... она освобождает нас и обращает к началу. Он уносит туда, где нет никакого готового так называемого “смысла жизни”. Нет и веры» [Там же: 82].

Это мирозозерцание укладывается, в том числе, в стилистику русского барокко, где мир представлялся как книга, в которой описано всё, что Бог дал человеку как видимый мир (ср. у Симеона Полоцкого: «Мир сей украшенный – книга

есть велика, / еже словом написана всяческих владыка» [Цит. по: Панченко 1970: 239]), – мысль, продолженная М. Ломоносовым, эмблематичностью своей поэзии развивавшим барочные традиции русской словесности: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой – свою волю. Первая – видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность Его зданий, признал Божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга – Священное Писание» [Ломоносов]. В «Утре акмеизма» О. Мандельштам говорил то, что словно слово в слово воплотил И. Бродский – и не только в «Большой элегии»: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма» [Мандельштам 1929: 48].

Предметы и реалии, поименованные в первой части «Большой элегии», не могут не быть значимыми ещё и потому, что они – живые и мертвые – одушевлены поэтом, ведь они «уснули» так же, как и человек, во время бодрствования которого они живут вместе с ним, окружают его, служат ему. И хоть «уснуло всё», спящий мир не статичен: «мышь идёт с повинной» (т.е. совершает свои обычные вороватые ночные дела); уши у спящих кошек «торчат», т.е. стоят начеку, охраняя сон их хозяев; медведь «залез в постель»; «снег скрипит»; «летит с небес» и «наносит... у входов нор сугробы»; вода со снегом «сипит» под кузовом спящего парусника; «добро со злом обнялось»; «чуть-чуть» звенят цепи слов, составленных Джоном Донном в его речах.

В этом «перечне» первой части «Большой элегии» не следует искать ни принципа последовательности, ни логики (за исключением той центробежной силы, о которой говорил сам поэт). Эта последовательность диктуется, имея в виду обозначенное выше положение о равноправии реалий, поэтикой живописи (натюрморта, пейзажа, жанровой живописи, с которыми так схожа поэтика первой части стихотворения И. Бродского и замечательно выразительное описание земли при взгляде на неё сверху, из горних сфер во второй части «Элегии», «откуда этот мир – лишь сотня башен / да ленты рек, и где, при взгляде вниз, / сей страшный суд совсем не страшен»), а также

поэтикой кинематографа близких с «Элегией» лет (в особенности А. Тарковского, параллели с биографией и взглядами на творчество которого, проявившиеся позже, не кажутся случайными: эмиграция и мучительное переживание её, отразившееся в творчестве, осознание бремени ответственности художника за всё и всех в мире, закономерно отсылающее к словам Джона Донна о колоколе, «звонящем по тебе»).

Говоря о поэтике перечисления в византийской церковной поэзии, А. Г. Волкова пишет: «На первый взгляд, подобное отсутствие логики приводит к бессвязности, однако данный поэтический прием обладает определенной семантикой. Во-первых, те явления, вещи, описания, которые рядопологаются в одном списке, осознаются автором (чаще анонимным) как взаимосвязанные. Во-вторых, данные взаимосвязи представляют собой попытку осмысления мира как целого, поэтому анализ рядов перечислений в том или ином тексте позволяет прийти к хотя бы частичному пониманию того, каким образом мир является сознанию автора – представителя определенной эпохи и культуры» [Волкова 2014: 6]. Думается, это в полной мере относится и к поэтике перечислений у И. Бродского.

Смысловый центр стихотворения настолько ясно выражает его главную мысль, что, несмотря на метафоричность (а потому многовариантность толкования) образов, эта мысль понимается достаточно определённо: пока весь мир объят сном, душа поэта бодрствует и страдает. Однако именно в объяснениях причин этой тревоги находится множество смыслов, прочитываемых по-разному.

Хочется отметить, что сон в «Элегии» – отнюдь не метафора смерти [Нестеров 2000: 163] (по крайней мере, не более общепринятых представлений о сне как «маленькой смерти») хотя бы потому, что во сне смерть и жизнь уравниваются; значит, сон – это состояние вне понятий «живое и мертвое». Сон – это время самой напряжённой работы человека с самим собой и с миром, от которого, благодаря всё уравнивающему сну, он может отстраниться. Конечно, плачет не душа, а сам Джон Донн, потому что человек – это тело и душа в неразрывном единстве (мысль об обращении к мёртвому Д. Донну, высказы-

вающаяся в некоторых исследованиях, не кажется нам убедительной, так как стихотворение описывает именно невозможность разъединения души и тела Джона Донна как живущего). Благодаря сну человек может почувствовать это двуединство и как бы его разъединение, не могущее не вызывать тревогу. Спящий мир при этом отнюдь не богооставлен (ср. у А. Нестерова: «Безблагодатный, Богооставленный пейзаж продолжает развертываться, вширь и ввысь» [Там же: 156]), ведь когда Господь спит (в Библии – отдыхает после акта сотворения), мир охраняем небесными силами, а также «замкнут» зазовами, крюками и затворами, не раз упоминающимися в тексте и тоже входящими на равных в земной мир, и охраняющими его покой во время сна. Это время, когда человеку не мешают злые силы и не помогает Господь – время честного диалога человека с самим собой. Работа души поэта-Донна напряжённее, чем молитва святых, которые тоже спят, «к их стыду святому», ибо «душа его чиста», а «путь, должно быть, грешен». Положение поэта в мире особенно ещё и потому, что, будучи наделенным даром обозревать все самые высокие сферы и видеть все самые низкие, поэт, в отличие от угодников Божиих, не может просто наслаждаться самим этим даром благодати. «Тело одухотворено, и душа с его потерей утрачивает что-то очень важное, как будто дневное мирское сознание человека больше, чем его нетленная сущность» [Иванова (Федорчук)].

Образ острова-жизни в «Большой элегии» может трактоваться по-разному. Нам кажется совершенно определённым соотношение острова не с частной жизнью Джона Донна, а с жизнью его народа, его земли – Англии. Об этом говорит вся поэтика стихотворения, к этому же отсылает эпиграф из проповеди Джона Донна, которую, вероятнее всего, не знал к тому моменту И. Бродский. Смысл эпиграфа ясно читался в романе Э. Хемингуэя, развивавшем мысль, высказанную поэтом-священником XVII в.: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа <...>; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит

колокол: он звонит по Тебе» [Нестеров 2000: 158]. В «Большой элегии» снег заносит белым покрывалом всю Англию; но покрытым «белым покрывалом» оказывается Джон Донн: «Сейчас – лежит под покрывалом белым, / покуда сшито снегом, сшито сном / пространство меж душой и спящим телом». Он словно растворяется в своей земле и своём народе, олицетворяет их. И в этом его главное предназначение.

По сути, «Большая элегия Джону Донну» является программным для всего творчества И. Бродского, раскрывая совершенно новым языком вечную тему о предназначении поэта.

Этот новый язык становится воплощением единства формы и содержания, души и тела, общего и частного. Язык И. Бродского-поэта сделал сам текст разгадкой и ключом к решению проблемы существования обозначенных оппозиций. Текст – это «ткань» (textus) в прямом, исконном значении. Жизнь и земной мир – тоже «ткань жизни». Перечень вещей первой части, по мнению исследователя, «создает впечатление вещной истинности всего текста» [Иванова (Федорчук)]. Возразим: не «создает впечатление», а создаёт саму истинность вещиности. В «Большой элегии» много упоминаний ткани: кафтан, постель, бельё, гардины, одежда, «весь гардероб», камзол, чулки, рубахи, простыни, ковры, покрывало. Эти реалии вмещаются в основном в пространство дома. Но и за его пределами ткань жизни не исчезает – она во «всё сшивающем» снеге, в игле, что скрепляет душу и материю, в связи и скрепе всего в мире: цепи не раз упоминаются в описании пространства города, порта, сада, речей Джона Донна («Спят речи все, со всею правдой в них. / Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья»). Сам текст «Большой элегии» – это ткань, в которой невозможно изъять ни одну нитку, не повредив её: ни мышей, ни кошек, ни тазов, упомянутых дважды, ни посуды и дырявого кафтана, который – не символ «переживания онтологической пустоты, Богооставленности» [Нестеров 2000: 161], а знак «разорванности» человеческой жизни на труды и страдания во имя самой жизни (подобно евангельскому погибающему зерну, новую жизнь дающему), ведь стоящая рядом (в тексте и образном мире стихотворения) звезда, «что столько лет хранила» Джона Донна, приходит ровно в тот момент, когда уныние, казалось бы, неодолимо.

И тогда становится понятным, почему мир не Богооставлен, а душа не обречена на одинокое существование и страдание: есть то, что связывает «обе полы сего времени» («Слово о полку Игореве»), что не даёт распасться миру. И это не снег, иглой сшивающий небо и землю (хотя он тоже). И не сон, дающий возможность почувствовать разъединение и соединение души и тела (хотя и он тоже). Это слово и слова, которые даны Поэту, реализующие изначальную суть свою – именовать (а, значит, сотворять) реалии этого мира, «присваивать» его и делать его своим для своего народа. «Смысл, смеющий в отсутствие надмирного смысла – быть» [Баткин 1997: 330]. Поэт тоже «сшивает» этот мир – не только горный и дольный, но и весь земной мир в его привычных бытовых реалиях, и «перечень» вещей, сущих в мир, – это не каталог, а утверждение бытования мира. В том числе горного, ведь там, где всё становится «сном библейским», тоже равновеликими оказываются бытовые человеческие реалии: «И тотчас вожжи, сани, ночь, он сам / и бедный конь – всё станет сном библейским». Визионер в «Элегии» И. Бродского совпадает с образом Д. Донна-поэта и проповедника, и сам текст становится проповедью о равновеликости материи и Духа. При этом поэт ничего не объясняет и ни в чём не оправдывается – его текст сам по себе, в посуде и «морях рубах», в которых спят люди, даёт читателю то ощущение онтологичности бытия, которое утверждается во всей идее «Большой элегии Джону Донну».

Мысль эта не нова для поэзии, не только русской, но именно И. Бродскому удалось не просто сказать об этом, а сделать текст непосредственным (в том числе формальным) выражением единства (не изначального, а через воссоединение) материи и Духа. «Бродский меняет понятие классичности в русской поэзии именно потому, что меняет не поэтику, а оси координат» [Стрижевская 1997: 9].

ЛИТЕРАТУРА

- Баткин Л. М.* Тридцать третья буква. М. : РГГУ, 1997. 392 с.
Бродский И. Книга интервью. М. : Захаров, 2007. 784 с.

Бродский И. А. «Большая элегия Джону Донну» / Библиотека русской поэзии [Электронный ресурс] URL: <https://libverse.ru/brodskii/bolshaya-elegiya-dzhony-donny.html> (дата обращения: 16.08.2021).

Волкова А. Г. Языковая репрезентация события: прием перечисления в византийской церковной поэзии // Язык и культура. 2014. №4 (28). С. 5-16.

Иванова (Федорчук) Е. «Большая элегия Джону Донну» Иосифа Бродского [Электронный ресурс] URL: <http://katlyric.narod.ru/article2.htm> (дата обращения: 14.08.2021).

Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской императорской академии наук мая 26 дня 1761 года [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo4/lo4-361-.htm> (дата обращения: 16.08.2021).

Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Литературные манифесты : От символизма к Октябрю / сост. Н. Л. Бродский, В. Л. Львов-Рогачевский, Н. П. Сидоров. М. : Федерация, 1929. С. 45-50.

Нестеров А. Джон Донн и формирование поэтики Бродского: за пределами «Большой элегии» / Иосиф Бродский и мир : метафизика, античность, современность. СПб. : Изд-во ж-ла «Звезда», 2000. С. 151-171.

Панченко А. М. Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого // Труды отдела древнерусской литературы. Л. ; М. : Наука, 1970. Т. 25. С. 232-241.

Первушина Е. А. Джон Донн и Иосиф Бродский: творческие переключки («Большая Элегия Джону Донну» Иосифа Бродского) [Электронный ресурс] URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/pervushina3.htm. Дата обращения – 14.08.2021 (дата обращения: 14.08.2021).

Померанцев И., Бродский И. Хлеб поэзии в век разброда. Запись интервью, переданного по радио «Свобода» в 1981 г. // Арион. Журнал поэзии. 1995, № 3. С. 15-16. [Электронный

ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1995/3/hleb-poezii-v-vek-razbroda.html>. (дата обращения: 14.08.2021).

Проффер К. Без купюр. М. : АСТ: CORPUS, 2017. 282 с.

Романова И. В. Поэтика повторов в поэзии Иосифа Бродского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 105-114.

Савченко Е. В. Фигура перечисления в исторической перспективе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 179-184.

Снегирев И. А. Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского : «Большая элегия Джону Донну» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 233-238. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-metafizicheskogo-stilya-v-poezii-i-brodskogo-bolshaya-elegiya-dzhonu-donnu> (дата обращения: 14.08.2021).

Стрижевская Н. И. Письмена. Перспективы : о поэзии Иосифа Бродского. М. : Грааль, 1997. 375 с.

Шайтанов И. Уравнение с двумя неизвестными (Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф «Бродский») // Вопросы литературы. Журнал критики и литературоведения. 1998. № 6 [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20120216044109/http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/sh.html>. Дата обращения – 12.08.2021 (дата обращения: 12.08.2021).

REFERENCES

Batkin L. M. Tridtsat' tret'ya bukva. M. : RGGU, 1997. 392 s.

Brodskiy I. Kniga interv'yu. M. : Zakharov, 2007. 784 s.

Brodskiy I. A. «Bol'shaya elegiya Dzhonu Donnu» / Biblioteka russkoy poezii [Elektronnyy resurs] URL: <https://libverse.ru/brodskii/bolshaya-elegiya-dzhony-donny.html> (data obrashcheniya: 16.08.2021).

Volkova A. G. Yazykovaya reprezentatsiya sobytiya: priem perechisleniya v vizantiyskoy tserkovnoy poezii // Yazyk i kul'tura. 2014. №4 (28). S. 5-16.

Ivanova (Fedorchuk) E. «Bol'shaya elegiya Dzhonu Donnu»

Iosifa Brodskogo [Elektronnyy resurs] URL: <http://katlyric.narod.ru/article2.htm> (data obrashcheniya: 14.08.2021).

Lomonosov M. V. Yavlenie Venery na Solntse, nablyudennoe v Sankt-Peterburgskoy imperatorskoy akademii nauk mayya 26 dnya 1761 goda [Elektronnyy resurs] URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo4/lo4-361-.htm> (data obrashcheniya: 16.08.2021).

Mandel'shtam O. E. Utro akmeizma // Literaturnye manifesty : Ot simvolizma k Oktyabryu / sost. N. L. Brodskiy, V. L. L'vov-Rogachevskiy, N. P. Sidorov. M. : Federatsiya, 1929. S. 45-50.

Nesterov A. Dzhon Donn i formirovanie poetiki Brodskogo: za predelami «Bol'shoy elegii» / Iosif Brodskiy i mir : metafizika, antichnost', sovremennost'. SPb. : Izd-vo zh-la «Zvezda», 2000. S. 151-171.

Panchenko A. M. Slovo i Znanie v estetike Simeona Polotskogo // Trudy otdela drevnerusskoy literatury. L. ; M. : Nauka, 1970. T. 25. S. 232-241.

Pervushina E. A. Dzhon Donn i Iosif Brodskiy: tvorcheskie pereklichki («Bol'shaya Elegiya Dzhonu Donnu» Iosifa Brodskogo) [Elektronnyy resurs] URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/pervushina3.htm. Data obrashcheniya – 14.08.2021 (data obrashcheniya: 14.08.2021).

Pomerantsev I., Brodskiy I. Khleb poezii v vek razbroda. Zapis' interv'yu, peredannogo po radio «Svoboda» v 1981 g. // Arion. Zhurnal poezii. 1995, № 3. S. 15-16. [Elektronnyy resurs] URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1995/3/hleb-poezii-v-vek-razbroda.html>. (data obrashcheniya: 14.08.2021).

Proffer K. Bez kupyur. M. : AST: CORPUS, 2017. 282 s.

Romanova I. V. Poetika povtorov v poezii Iosifa Brodskogo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2010. № 3. S. 105-114.

Savchenko E. V. Figura perechisleniya v istoricheskoy perspektive // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2020. T. 20. Vyp. 2. S. 179-184.

Snegirev I. A. Formirovanie metafizicheskogo stilya v poezii I. Brodskogo : «Bol'shaya elegiya Dzhonu Donnu» // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2011. № 1 (31). S. 233-238. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-metafizicheskogo-stilya-v-poezii-i-brodskogo-bolshaya-elegiya-dzhonu-donnu> (data obrashcheniya: 14.08.2021).

Strizhevskaya N. I. Pis'mena. Perspektivy : o poezii Iosifa Brodskogo. M. : Graal', 1997. 375 s.

Shaytanov I. Uravnenie s dvumya neizvestnymi (Poety-metafiziki Dzhon Donn i Iosif «Brodskiy) // Voprosy literatury. Zhurnal kritiki i literaturovedeniya. 1998. № 6 [Elektronnyy resurs] URL: <https://web.archive.org/web/20120216044109/http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/sh.html>. Data obrashcheniya – 12.08.2021 (data obrashcheniya: 12.08.2021).